

«бисер красный», «дароточивый, красный и пребогатый», «красный благочестия цвет», «красота пресветлая». ¹⁹ Самый восклицательный тон первых слов памятника идет из акафистов.

То, что автор «Слова» упоминает между предметами, украшающими Русскую землю, монастырские виноградники, подтверждает принадлежность его к церкви, потому что эта деталь имеет слишком специфический характер и светскому лицу не пришла бы в голову. Только на основании одного этого можно сказать с уверенностью, что автор был монах и пришел на север Руси с юга.

Мысль об отражении южных впечатлений в «Слове о погибели» появилась еще у Х. М. Лопарева, который в комментарии к «виноградом обительным» заметил: «Выражение неясное, занесенное, очевидно, с юга». ²⁰ Выражение очень ясное: в русских народных песнях обычно сочетание «сад-виноград» в значении виноградника; а то, что это черта южнорусская, неоспоримо. В южных монастырях, в Галиции и Молдавии, в поздние времена, а в древние, надо думать, еще больше, виноградники были одною из главных статей хозяйства. В хозяйственном опыте северянина не могло быть представления о монастырских виноградниках.

Другие черты «Слова о погибели» тоже характеризуют автора как южанина.

Подверглась сомнению фраза в «Слове» о том, что именем Мономаха «половци дети своя ношаху в колыбели». Вместо «ношаху» Х. М. Лопарев указал возможность читать «страшаху» или «полошаху», приведя два текста, содержащие эти слова. ²¹ Акад. М. Н. Тихомиров, утверждая новгородское происхождение «Слова о погибели», тем не менее пишет: «Нет никакого сомнения, что автор „Слова“ пользовался какими-то южнорусскими источниками, причем эти источники не были ему вполне понятны или по крайней мере не были понятны позднейшим переписчикам. Так, в „Слове“ появляется неясная фраза о половцах... Текст о половцах, видимо, звучал первоначально так: „которым-то половци, дети своя полошаху в колыбели“». ²² Другие исследователи также видели в слове «ношаху» опisku.

На самом деле это не описка, не искажение, а реальное изображение ухода за детьми у кочевников. По наблюдениям многих авторов, в различных частях света у первобытных и кочующих племен матери носили с собою грудных детей, употребляя для этого сумки, мешки, корзины или ящики с прикрепленными к ним веревками, чтобы надевать на себя — на спину или на грудь. Мать всюду носила в такой колыбели ребенка, иногда совершая с ним долгие переходы. Акад. И. И. Лепехин в «Дневных записках путешествия по разным провинциям Российского государства» в 1768 г. сообщает, что башкирки надевали переносные колыбели с детьми на себя и ездили с ними верхом, причем колыбель была так подвязана, что мать имела возможность кормить ребенка грудью, не слезая

¹⁹ Примеры взяты из киевского издания акафистов Захарии Копыстенского и Филофея Кизаревича 1628 г., виленского издания 1628 г. и киевского издания Иосифа Тризны 1654 г.

²⁰ Х. М. Лопарев. «Слово о погибели Руския земли». Вновь найденный памятник литературы XIII века. — ПДП, LXXXIV, СПб., 1892, стр. 19.

²¹ Роман Мстиславич Вольнский «бе изострился на поганяя, яко лев, им же половци дети страшаху»: «Начаша жены моавитьския полошати дети свои, рекуще: Александр едет» (ПДП, LXXXIV, стр. 19).

²² М. Н. Тихомиров. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли»? — ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 240.